А.Г. УЛЬКО

«УЗБЕКСКИЙ – ЯЗЫК ДЛЯ УЗБЕКОВ»: ПОЧЕМУ В УЗБЕКИСТАНЕ ЕСТЬ ПРОБЛЕМЫ С ГОСУДАРСТВЕННЫМ ЯЗЫКОМ?[1]

В статье рассматриваются вопросы функционирования узбекского языка в современном Узбекистане. Отмечается, что уровень владения узбекским языком все еще оставляет желать лучшего. Несмотря на статус государственного, даже носители языка не всегда владеют им в совершенстве, подчас не знают правил грамматики и разговаривают на его диалектных вариантах. Процент владения узбекским среди тех, для кого он не является родным, по-прежнему остается крайне низким. Как узбекский язык используется в обществе, почему им владеют далеко не все и что ждет его дальше – вот неполный перечень вопросов, которые аналазирует автор.

Ключевые слова: *узбекский язык, социолингвистика, диалекты, письменность, коммуникация.*

В последние годы в Узбекистане вновь стали подниматься вопросы вокруг использования в обществе различных языков, прежде всего узбекского и русского. Некоторые чиновники позволяют себе делать замечания говорящим по-русски гражданам[2], другие деятели культуры пишут петицию в защиту русского языка, призывая наделить его официальным статусом[3], в социальных сетях не утихают жаркие дебаты, а государство в очередной раз стремится изменить алфавит узбекского языка[4].

Нелегкое положение языка в современном Узбекистане: экскурс в социолингвистику

Если мы откроем любую лингвистическую энциклопедию, то узнаем, что узбекский язык – один из крупнейших и важнейших тюркских языков с богатой историей, в ходе которой он складывался в тесном контакте с другими тюркскими и нетюркскими языками[5]. Согласно общепринятой точке зрения, в окончательном виде он оформился в 1920-е годы, стал единственным государственным языком в Республике Узбекистан (тогда еще Узбекской ССР) в 1989 г. и говорит на нем около 32 миллионов человек. Однако реальность оказывается значительно более сложной, проблемной и интересной. Что же характеризует положение узбекского языка в его современном контексте? Давайте для начала коснемся некоторых особенностей узбекского языка как такового.

Одна из основополагающих его черт, впрочем, далеко не уникальная –сосуществование двух достаточно самостоятельных уровней, на которых узбекский язык функционирует. Один – официальный письменный и унифицированный язык, который некоторые путают с литературным, а другой – живой разговорный язык, существующий в богатой совокупности четырех крупных диалектов, внутри которых можно выделить несколько десятков региональных вариаций.

Наследием советского строя, как и авторитарностью узбекского общества, объясняется тот факт, что государство видит себя собственником и блюстителем узбекского языка. Оно, в лице правительства, принимает решения о его судьбе, регулирует его нормы и устанавливает правила использования, иногда опираясь на мнение небольшой группы почтенных академиков и руководителей. Сплошь и рядом последнее слово в спорных случаях использования узбекского языка принадлежит не профессиональному филологу, а начальнику организации или предприятия. Это положение вещей видится многим вполне естественным, но в современной мировой практике преобладают совершенно иные подходы к

[1] Журнальный вариант статьи, написанной по просьбе Интернет-издания Hook-report.
[2] https://nuz.uz/obschestvo/35629-rektor-universiteta-zhurnalistiki-okazalsya-v-centre-skandala-video.html
[3] https://vesti.uz/russkij-yazyk-nam-ne-chuzhoj/
[4] https://www.gazeta.uz/ru/2018/11/06/alphabet/
[5] https://ru.wikipedia.org/wiki/Узбекский_язык

взаимоотношениям между языком и государством.

Думается, жителям постсоветского пространства, столь обеспокоенным проблемами государственного статуса тех или иных языков, было бы полезно поразмышлять о том, что английский язык не является официальным государственным языком ни в Великобритании, ни в США, ни в Австралии, ни в Новой Зеландии. Более того, ни в одной из этих стран нет органа, подобного Academie Française, надзирающего за чистотой и правильностью использования английского. При этом о распространенности и роли английского языка в мире, наверное, напоминать никому не нужно.

Другая особенность, тесно связанная с первой, – это исключительная региональная и социальная диалектность узбекского языка[6]. Её причины коренятся в особенностях национального строительства в Центральной Азии в 1910-1930-х гг., когда одновременно происходили сложные и непредсказуемые процессы по вычленению и формализации национальных культур, государств и языков из живой и неоднородной человеческой среды, веками функционировавшей по совершенно другим принципам. Нужно помнить, что создание наций в нашем регионе было целью различных конкурирующих и сотрудничающих между собой групп реформаторов, начиная от джадидов и заканчивая большевиками[7]. Результат этого взаимодействия, вполне оформившийся уже только после национально-территориального размежевания, следует рассматривать как своего рода компромисс между различными проектами. Иными словами, все сложилось, как оно сложилось, но все могло выглядеть по-другому. Государствообразующих наций (и, соответственно, языков) в нашем регионе могло быть не шесть (не забываем о каракалпаках), а три или десять, а могло и не быть вовсе – если бы дальнейшее развитие и признание получили идеи просветителя Исмаила Гаспринского и его сподвижников, еще в 1880-х стремившихся к созданию единого общетюркского языка[8].

Соответственно, классификация и разделение местных говоров и диалектов по национальным языкам и их дальнейшая нормализация изначально носили весьма искусственный характер, но именно они привели к постепенному формированию более четких границ между языками. Тем не менее, внутри узбекского языка ситуация была и остается в высшей степени и раздробленной, и одновременно богатой. С точки зрения как советской, так и современной централизованной администрации, это качество всегда воспринималось как ненормативное, а следовательно, нежелательное. Схожая картина наблюдается и в русском языке, где, правда, степень унификации городских диалектов значительно выше, а сельские диалекты и говоры стремительно отмирают.

Одним из последствий сочетания этих двух факторов, которое не находит подобающего признания в обществе, стала дискриминация носителей диалектных форм узбекского языка в структуре власти, что помимо прочего, отчасти способствует сохранению остатков «клановой» системы в управлении страной. При этом в условиях возрастающей социальной мобильности узбеков все большее количество людей, традиционно проводивших всю свою жизнь в родных гузарах, махалля и кишлаках, путешествуют в другие регионы страны и с огромным интересом знакомятся с местными вариациями культуры, кухни, и, конечно же, языка. Люди хорошо различают диалекты друг друга, вырабатывают определенные представления о характере и привычках жителей отдельных областей и регионов, ломая устоявшиеся стереотипы, но все эти языковые особенности и процессы совершенно не отражаются на официальном уровне.

Региональное разнообразие узбекской культуры признается и поддерживается свыше практически исключительно на уровне предметов материальной культуры – одежды, керамики, кухни, в меньшей степени обычаев. Диалектность узбекского языка, столь очевидная в повседневности, практически игнорируется носителями «высокой» национальной культуры. Прекрасной иллюстрацией этому служат многочисленные узбекские фильмы, где главные герои живут исключительно в Ташкенте (вариант – она в богатом доме, он – в кишлаке в Ташкентской области), говорят на одном диалекте узбекского языка (с небольшими примерами ненормативной сельской речи, часто противопоставленной жаргонной речи ташкентской молодежи) и общаются только с представителями той же этнической и социальной группы. Герои, безусловно, посещают Самарканд, Бухару или Хиву, но исключительно чтобы посмотреть местные памятники, где ведут себя как столичные туристы. Никакого контакта с местными жителями, их культурой, обычаями и языком на экране практически не происходит, не говоря

[6] https://www.wikizero.com/ru/Диалектология_узбекского_языка
[7] https://www.academia.edu/30930781/Making_Uzbekistan_Nation_Empire_and_Revolution_in_the_Early_USSR
[8] https://ru.krymr.com/a/26911248.html

уж о том, чтобы это региональное разнообразие стало ключевой темой фильма[9].

Третья важная особенность современного узбекского языка, – это его графика. Узбекский – один из немногих языков мира, в котором активно используются три различных алфавита: латинский, кириллический и арабский. Последнее обстоятельство часто игнорируется, хотя примерно три миллиона узбеков живут в Афганистане, и те из них, кто владеет грамотой, используют арабское письмо, а свыше миллиона узбеков – граждан Кыргызстана, Таджикистана и Казахстана пользуются исключительно кириллицей.

Латинская графика, введенная в 1993 г., уже в 1995 г. была трансформирована на основе общеупотребительной английской формы алфавита без диакритических знаков, и должна была стать единственной формой узбекской графики сначала в 2005 г., потом в 2010 г., потом в 2015 г., но до сих пор около 70% печатных изданий на узбекском языке выходит на кириллице. Эксперимент с латиницей затронул многие миллионы школьников, которые оказались вынуждены читать учебники, написанные на латинице, в школе, а книги, изданные на кириллице, – дома. Его можно было бы посчитать откровенно затратным и неудачным, если бы не ряд обстоятельств.

Во-первых, узбекская латиница усложнила и без того запутанную языковую и графическую ситуацию в Узбекистане, что не только усугубило языковой хаос в стране, но и приблизило письменный узбекский язык к его живым разговорным вариантам, ослабив тиски нормативности. Во-вторых, для молодежи, освоившей латиницу, сильно упростилось использование компьютеров и смартфонов, особенно в межличностной коммуникации, в ходе которой уже нет необходимости переключать раскладку, и это часто даже касается случаев использования русского языка.

С другой стороны, введение латиницы, пусть даже на основе английской графики, лишь усугубило сложности поиска соответствия между графикой и звучанием отдельных букв и слов. Если с прописными буквами все более или менее понятно (так, K, M, E и O пишутся и звучат примерно одинаково и в узбекском, и в русском, и в английском), то уже со строчными буквами, и особенно курсивом возникают серьезные проблемы. К примеру, буквы B, P, H и X обозначают разные звуки в кириллическом и латинском письме. А потому отдельные слова и сочетания букв, например, noman или pen, написанные курсивом, могут читаться и как «потап» / “noman” или «реп» / “pen” в зависимости от контекста.

Путешествующему по Узбекистану нужно помнить, что он может столкнуться с четырьмя (!) формами написания названия одного и того же города: Қўқон (узбекская кириллица), Коканд (русский язык), Qo`qon (узбекская латиница) и, наконец, Kokand (английский).

Добавив, что дети часто забывают, в каких словах использовать N и R, а в каких – И и Я, и где звук [x] обозначается буквой x, где h и где kh, получим довольно сложную и путаную картину, разобраться в которой часто бывает не под силу даже образованному человеку. Это приводит в отчаяние учителей и ученых, но, с другой стороны, придает использованию языка в реальной жизни известную гибкость и свободу.

Статус узбекского языка в обществе: кто и как им пользуется?

Отвечая на этот вопрос, мой американский друг Кристофер Форт, специалист по узбекскому языку и литературе[10], дал простой ответ: «узбекский – это язык для узбеков». Далее он отметил, что хотя существует некое абстрактное представление о том, что узбекский язык должны знать и использовать все граждане Узбекистана, независимо от национальности, на практике этого не происходит по целому ряду причин. В русскоязычной среде Узбекистана это принято оправдывать исключительно низким уровнем обучения узбекскому языку, отсутствием преподавателей и учебников, что справедливо, но это далеко не единственная причина того, что узбекским языком пользуются почти исключительно этнические узбеки. Можно взглянуть на нее с нескольких разных точек зрения.

Основная и самая важная функция языка — это коммуникация, передача между людьми определенной информации, знаний, сведений, фактов и эмоций. Первичной средой, в которой происходит такая коммуникация, является семья. Далее следуют соседи и родственники, а потом школа, работа, государственные и частные учреждения и т. д. Для международных языков характерна большая доля тех, кто использует этот язык не как родной, и соответственно, не для внутрисемейного, а исключительно для обучения, социального или профессионального общения. Так, английский язык в настоящее время изучает около двух миллиардов человек, из которых около 1,7 миллиарда используют его как второй или

[9] https://www.kinopoisk.ru/lists/navigator/country-71/?limit=20&tab=best

[10] https://www.youtube.com/watch?v=Ry7Zmvg6wHY

иностранный язык, что определяет и характер, и содержание коммуникации на нем.

Учитывая упомянутую выше особенность узбекского языка, можно очертить его две большие и частично пересекающиеся сферы коммуникации. Первая — идущая снизу, от первичной семейной среды, сфера повседневной коммуникации на живом разговорном языке. Она почти всецело определяется особенностями своей семьи, своей махалли, кишлака, района, постепенно расширяясь и растворяясь во второй сфере – сфере государственного, национального использования. Единственный доступ к этой коммуникации, к этому уровню смыслов – быть частью конкретной семьи, определенной среды, той или иной локальности. Будучи из другой области, города или страны, вы – чужак, в лучшем случае – гость.

Такого рода внутрисемейное общение – основа узбекской культуры, но оно, несмотря на свою повсеместность, остается достаточно закрытым для окружающего мира, что замечательно иллюстрируют глухие заборы махаллинских домов. Общепринятыми «окнами» для расширенного общения являются многочисленные туи («мероприятия»), основная цель которых как раз и состоит в социализации возможно большего числа членов различных близких групп, семей и сообществ. Эта система самодостаточна, она не нуждается ни в особой государственной поддержке, ни во внешнем мире; она не стремится ни к развитию, ни к экспансии, но создает обширную и комфортабельную среду для потенциального процветания своих членов за счет укрепления внутренних связей между ними. Родственные и соседские отношения здесь превалируют над дружескими и профессиональными, и ни о какой интернационализации этой среды и общения в ней речи не идет. В этом ни у кого нет ни необходимости, ни желания, ни возможности.

Вторая сфера коммуникации определяется государством и распространяется сверху вниз посредством строго контролируемых текстов: приказов, заявлений, сообщений, новостей, многочисленных подведомственных документов и всего объема коммуникации, возникающей в ходе управления и администрирования, начиная с заседаний Олий Маджлиса и заканчивая разговором с домкомом. Эта сфера распространяется вниз и во все стороны, сливаясь и пересекаясь с первой, образуя различные контексты и формы для коммуникации, наиболее общие из которых - профессиональная и образовательная деятельность.

Характерная особенность использования узбекского языка в этой сфере – это сочетание нормативности и централизации с пониманием объективной необходимости выхода за пределы узко национального дискурса. Последнее обусловливается не только наличием в стране представителей других этносов и языковых сообществ, но и наличием обширных смысловых пластов, в которых идеи и значения генерируются на другом языке и лишь затем ретранслируются в узбекское общество и узбекский язык.

В советский период многочисленные смыслы в сферах социалистического управления, производства, образования, услуг, градостроительства и т. д., формулировались прежде всего на русском языке. Это создавало вынужденную ситуацию, в которой большому количеству носителей узбекского языка было удобнее, овладев русским, работать в этих контекстах самостоятельно, а не ожидать их перевода на узбекский язык и, главное, их натурализации в узбекский дискурс. Это помогло развитию рабочего двуязычия, в котором определенные проблемы и темы могли обсуждаться на узбекском, а другие на русском языке часто одними и теми же участниками. Во многих аспектах эта система сохранилась и поныне, хотя в условиях сокращения представителей неузбекского этноса и наращивания самостоятельности узбекского профессионального языка этот баланс между русским и узбекским изменился.

Вообще рассуждать о месте и статусе узбекского языка в Узбекистане решительно невозможно, не касаясь при этом его взаимодействия с другими языками, что само по себе представляет собой интереснейшую, но слабо разработанную тему. Сильно упрощая, можно сказать, что в рамках первой коммуникативной сферы в некоторых регионах Узбекистана узбекский язык сосуществует с или замещается каракалпакским и таджикским. Эти ситуации сопоставимы, но неравноценны. В то время как подавляющее большинство носителей каракалпакского проживают в относительно отдаленной и четко очерченной территории, носители таджикского языка населяют центральную и южную части Узбекистана во многих местах (кроме хорошо известных Самарканда и Бухары, это еще и Денау, и Ферганская долина и ряд других районов). Практически все они двуязычны.

Ситуация с русским языком в Узбекистане гораздо сложнее и запутаннее[11]. Начнем с того, что значение русского языка в стране на несколько порядков превосходит его роль в качестве языка первой сферы, языка внутрисемейного и коммунального общения.

[11] https://ru.wikipedia.org/wiki/Русский_язык_в_Узбекистане

Этнических русских в стране не более 3% населения, всех так называемых «европейцев» или «русскоязычных» (неудачные термины, сильно искажающие реальную картину) – возможно, около 10%[12]. Парадоксально, но основными носителями и пользователями русского языка в Узбекистане являются этнические узбеки. Здесь необходимо, наконец, коснуться такого важного понятия как языковые компетенции.

Начнем с простой, но часто игнорируемой истины. Такие определения, как «тюркский», «германский», «славянский», «семитский», которые с легкой руки политиков XIX-XX веков стали применяться для обозначения этносов, народов и их культур, представляют из себя прежде всего лингвистические категории[13]. В Абакане, Андижане и Анталии говорят на тюркских языках, но в них проживают люди различных этносов и культур. Идиш, волжский немецкий и африкаанс — языки германской семьи, но опять же, их носители принадлежат разным этническим группам и культурам. То же самое относится и к языкам, получившим международное распространение. Поэтому отождествлять, например, носителей русского языка и этнических русских совершенно неверно.

Даже само понятие «носитель языка» тоже часто и неправомерно употребляется в абсолютном значении, что очень искажает реальную картину использования того или иного языка. На протяжении многих десятилетий в английском языке различают такие категории как «английский как родной язык», как второй (ESL) и как иностранный (EFL), и методология обучения им тоже различается. Следует понимать, что все люди, пользующиеся в той или иной степени языком, являются его носителями. По имеющимся данным, на узбекском говорят примерно 85% населения страны, и родной он для 80% населения[14], большинством из которых являются узбеки.

Однако, здесь очень важно принимать во внимание уровень языковых компетенций, в том числе и узбекского населения. Одна из самых широко распространенных шкал языковых компетенций — Common European Framework of Reference, в которой прописаны шесть уровней (от A1 до C2) разнообразных языковых навыков: чтения, письма, понимания на слух, умения вести диалог и т. д.[15] Если применить эти категории к языковой ситуации в Узбекистане, то количество лиц, в той или иной степени владеющих узбекским, возрастет за счет людей, которые не считают себя «носителями» узбекского языка, но обладают той или иной языковой компетенцией. В то время, как считается, что так называемое «русскоязычное» население Узбекистана вовсе не владеет узбекским, выясняется, что многие его представители понимают узбекский на уровне A2-B1 и могут поддерживать простой диалог на уровне A1-A2. При этом для многих этнических узбеков представляют определенные сложности задачи, связанные с коммуникацией на литературном языке, особенно на незнакомые или более абстрактные темы, не говоря уже о создании на них текстов. Иными словами, далеко не все узбеки, в том числе и те, для которых это родной язык, владеют им на уровне C2. Это положение вещей характерно в той или иной степени для всех языков. Однако, хотя эти обстоятельства имеют большое значение как для носителей русского языка, так и для развития преподавания узбекского языка (о чем речь ниже), в общем они не сильно меняют особенности употребления узбекского языка. Несмотря на то, что на узбекском говорят не только в Узбекистане, на севере Афганистана или юге Кыргызстана, а во многих странах мира, включая Россию и США, но и там он был и остается преимущественно «языком для узбеков».

Как я уже отметил выше, ситуация с русским языком гораздо более сложная. Точных данных по его использованию в Узбекистане нет, а имеющиеся разнятся, поэтому гипотетически можно предположить, что наряду с так называемыми «европейцами» (потомками переселенцев в Центральную Азию в годы колонизации и советского режима, включающих в себя, помимо русских, также татар, украинцев, евреев, немцев, армян, и т. д.), неопределенно большое количество этнических узбеков (возможно, как минимум половина городского населения) пользуется русским языком как родным или вторым языком, которым они владеют на уровне C1-C2.

Кроме того, еще большее количество носителей узбекского языка владеют русским языком в ограниченной степени (от A1 до B1, предположительно, около 50-60% населения, что в двадцать раз превосходит число этнических русских в Узбекистане). Все эти данные приблизительны, они имеют огромное значение для выработки языковой политики, но никаких широкомасштабных исследований в этой области не проводится. Исключительно важным следует признать то, что несмотря на свое широкое и неравномерное распространение в различных социальных группах, русский язык не обладает ни-

[12] https://stat.uz/ru/433-analiticheskie-materialy-ru/2055-demograficheskayasituatsiya-v-respublike-uzbekistan [13] http://tapemark.narod.ru/les/527a.html
[14] https://www.worldatlas.com/articles/what-languages-are-spoken-in-uzbekistan.html
[15] https://www.coe.int/en/web/common-european-framework-reference-languages

каким официальным статусом и его использование никак не регулируется, кроме как практической необходимостью. Это способствовало закреплению русского языка в определенных сферах общения и установлению разумного баланса в его использовании, нарушение которого может быть чревато различными негативными последствиями, о которых мы поговорим ниже.

Вопрос статуса: почему же на узбекском не говорят повсеместно

Таким образом, узбекский язык – это безусловно доминирующий и наиболее широко распространенный язык в Узбекистане, в особенности в сфере внутрисемейного и коммунального общения. Его позиции в качестве государственного и официального языка также незыблемы, но во многих сферах современной городской жизни он сосуществует с русским, а в последние годы – и с английским языком. Характер этого сосуществования и взаимодействия требует глубокого и тщательного исследования, которое, однако, нигде не проводится, и поэтому выводы на эту тему можно делать только самые приблизительные, основанные на субъективных впечатлениях, а следовательно, далеко небезупречные.

Тем не менее, можно с уверенностью сказать, что эти проблемы не сводятся только к статичному вопросу владения или не владения узбекским (русским) языком и даже не к уровню этого владения. Речь идет прежде всего о наличии или отсутствии выбора в использовании того или иного языка. Как мы видим на основании приведенных данных, этот выбор имеется у приблизительно 50% населения, владеющего двумя или более языками в той или иной степени. У большинства этнических «европейцев» и примерно половины этнических узбеков (в основном проживающих в сельской местности) этот выбор сильно ограничен отсутствием или низким уровнем владения иными языками кроме родного.

Ситуация с русским языком в Узбекистане и в целом Центральной Азии напоминает в некоторых чертах роль английского языка в глобальном контексте[16]. Учитывая низкий процент этнических русских в среде носителей русского языка в Узбекистане, можно предположить, что большинство актов коммуникации, совершаемых на этом языке, происходит не между русскими, и даже не между «европейцами», а между этническими узбеками, которые его могут использовать как в общении между собой, так и с представителями других этнических и языковых групп – в том числе и удаленно (например, в интернете, при просмотре российского телевидения или чтении книг на русском). В этой связи возникает вопрос исключительной важности: в каких случаях и в каких контекстах люди делают выбор в пользу узбекского языка, а в каких – в пользу русского? Только ответив на этот вопрос, можно рассуждать о причинах того или иного выбора и только уже после этого задаваться вопросом: а что с этим делать?

Не имея никаких достоверных данных на этот счет, рискну повторить предположение, сделанное выше: носитель русского и узбекского языков будет делать выбор в пользу русского в случае наличия коммуникативной потребности в обмене информацией, который будет более затруднен на узбекском. К примеру, в случае, когда необходимая информация недоступна на узбекском вообще (как в случае беседы с русскоязычным другом или при просмотре российского телевидения) или когда русский язык предлагает более быстрый и удобный доступ к информации. Верно и обратное. Поэтому для того, чтобы оценить, насколько полно и адекватно узбекский язык охватывает все сферы человеческой деятельности в Узбекистане, нужно исследовать вопрос: к какого рода информации он предоставляет более удобный и оперативный доступ, чем русский (или если угодно, английский), помимо внутрисемейного общения и государственных документов? Кому?

Тотальный контроль вредит языку

Здесь снова, в условиях отсутствия данных и исследований, можно только выдвигать гипотезы и предположения. Один из более очевидных ответов на этот вопрос может звучать так, что узбекский язык уступает русскому (английскому) в тех сферах, где обмен информацией на узбекском требует ее перевода с русского (английского) на узбекский язык. В тех областях, которые относятся непосредственно к «узбекчилику» или административному управлению, в особенности на местах, конкуренции у него практически нет.

Мне представляется, что тотальный государственный контроль над узбекским языком в итоге сослужил ему плохую службу, серьезно ограничив сферу его применения. Это особенно хорошо видно на примере книжных магазинов, в которых до недавнего времени на узбекском языке можно было найти лишь многочисленные учебники, труды Ислама Каримова, законодательные документы и весьма

[16] https://www.academia.edu/12530018/English_Next_by_David_Graddol

немногочисленные произведения художественной литературы.

Лишив русский язык в 1995 г. какого-либо статуса и ограничив его преподавание и официальное применение, власти рассчитывали тем самым стимулировать употребление узбекского языка. Произошло нечто противоположное — русский язык, лишенный государственной поддержки, но и свободный от государственного контроля, остался и закрепился только там, где он действительно необходим, в значительной степени заменив собой узбекский в тех областях, которые не подпадают под категории внутрисемейного/коммунального общения и языка государственного управления. Это обстоятельство упустили из внимания авторы скандального ходатайства о придании русскому языку официального статуса, который бы неминуемо вернул русский в тиски государственного контроля и цензуры.

Развитие в последние годы английского языка в стране, хоть и не подкрепляется наличием живого контекста для коммуникации (у нас пока в стране живет очень незначительное количество англоязычных иностранцев), тем не менее, обещает еще более короткий и удобный доступ ко всем смыслам и значениям, которые генерируются в современном мире, чем русский. Не контролируемый ни одним государством, он обладает особенным потенциалом для глобальной коммуникации.

И узбекский язык, несмотря на его широкую распространенность и стабильность, в современном мире рискует остаться на периферии, превратиться в огромный фольклорный артефакт, чему в немалой степени способствует государственная политика с ее упором на «национальные традиции».

Не может быть решения проблемы без ее исследования

Для того, чтобы что-то исправить, следует для начала представлять себе, что именно нуждается в исправлении. Невозможно прописывать лечение, не диагностировав заболевание. У нас же не то, что нет диагностики, у нас даже не описаны симптомы. Все, о чем я написал выше, высосано из пальца, это просто догадки и блуждания во тьме, опирающиеся на субъективные впечатления и практически отсутствующие данные. В стране фактически не ведется никаких полевых лингвистических исследований. Мы не знаем научно, что из себя сейчас представляет современный живой узбекский язык: кто на нем общается, как, какие ресурсы и формы используются, какая информация передается, какими средствами? Как и куда развиваются региональные диалекты узбекского? Какова динамика его употребления в различных социальных, возрастных и иных группах? Как узбекский взаимодействует с другими языками, как происходят процессы его гибридизации, заимствования и адаптации? Какие коммуникативные потребности (и чьи) узбекский язык решает, какие может решать, а какие не может?

Эти и тысячи подобных вопросов должны быть в центре внимания наших лингвистов, социологов, антропологов и культурологов. Должны проводиться надежные и глубокие, широкомасштабные и профессиональные исследования, хотя бы лишь только описывающие реальную языковую ситуацию в стране, но ничего этого нет. А пока этого не будет, мы не сможем даже приблизиться к анализу этой ситуации, не сможем квалифицированно говорить о проблемах и об их причинах. А ведь только это даст нам возможность рационально и компетентно предлагать какие-то меры по улучшению ситуации. Совершенно бессмысленно принимать какие-то законы в сфере образования, не разобравшись с тем, что там реально происходит.

Так почему же не все в Узбекистане говорят на узбекском?

На это можно дать простой ответ: у тех, кто не говорит на узбекском, просто нет в этом коммуникативной потребности, или она ограничена. Прежде чем пытаться предпринимать какие-то шаги, нужно понять, почему ее нет, а какая потребность есть, и лишь потом только рассуждать о том, какая потребность могла бы появиться, и как ее можно было бы стимулировать. Здесь мы вплотную подходим к вопросу образования, но это далеко не первый вопрос. Первый — в использовании языка. Дело не только в том, что «ленивые русские не хотят учить узбекский», хотя и в этом тоже. Выше я уже показал, что подавляющее большинство случаев, когда люди выбирают русский (или даже уже теперь английский), а не узбекский, в качестве средства коммуникации или доступа к информации, относится к ситуациям выбора, который делают узбеки. И здесь возникает масса вопросов к разным участникам процесса общения.

Для русских и других «европейцев», живущих в Узбекистане, актуальной и пока не очень успешно решаемой задачей является избавле-

[17] https://uz.sputniknews.ru/society/20200428/14018186/Novyy-zakonoproekt-o-gosyazyke-v-Uzbekistane--mnenie-ekspertov-i-grazhdan.html

ние от своих предрассудков, в том числе и в отношении узбекского языка, а задача государства заключается в том, чтобы мягко стимулировать этот процесс[17]. В этой связи придание русскому языку «официального статуса» не только возвратило бы государству право собственности и контроля над этим языком, но и усилило бы политические разногласия в обществе, политизировало бы языковой вопрос, особенно в свете продолжающихся десятилетиями попыток российского руководства использовать языковую карту в своей неоколониальной политике. Поэтому, поддерживая мысль о расширении и углублении использования русского языка в Узбекистане, я убежден, что это должно происходить исключительно на добровольной основе и не становиться орудием политических манипуляций. Ни русский язык, ни русскоязычное население в Узбекистане не нуждаются в «защите». Оздоровление и либерализация языковой политики в стране – самое верное средство развития в ней многоязычия и мультикультурности[18]. С этим вроде как не спорит ни один руководитель, высказывающийся по вопросам языковой политики.

Но мне бы одновременно хотелось задать вот какой вопрос ревнителям и блюстителям узбекского языка: а вы точно хотите, чтобы он из «языка для узбеков» превратился в международный язык? Чтобы на нем говорило большое количество людей, не вполне им владеющих, говорило с акцентом, коверкая слова и предложения, но выражая при этом те мысли, позиции и чувства, которые могут быть совсем не предусмотрены в консервативной и патриархальной концепции «узбекчилик»?

Вы готовы признать социальную раздробленность и диалектность узбекского языка в качестве живой реальности и прекратить делать вид, что есть лишь правильный, «чистый» узбекский Абдуллы Каххара и Хайруддина Султанова, а все остальное — это жаргон и «базарный язык», нуждающийся в искоренении и исправлении? Готовы ли вы к ситуации, когда собственником узбекского языка будет не государство и правительство, и даже не узбекский народ, а любой человек, говорящий, пишущий и читающий на узбекском то, что считает нужным, и что вы не будете это контролировать?

Пока на эти вопросы не будут даны удовлетворительные ответы, очень сложно будет говорить о каких-то вразумительных образовательных программах по обучению узбекскому языку как неродному.

Что можно было бы сделать для популяризации узбекского языка

Выше я уже попытался дать ответ на этот вопрос, и хочу теперь сформулировать проблему несколько иначе: что можно было бы сделать уже сейчас? Еще раз повторюсь, что прежде всего необходимы системные исследования реальной ситуации, диагностика проблем. К сожалению, поиск решения этих проблем действительно сразу же упирается в образование. Об этом можно говорить долго, но в целом образование у нас в стране, несмотря на все усилия, в том числе и международных и местных организаций, остается в своих принципах страшно архаичным и статичным. Его до сих пор воспринимают, прежде всего, как некое учреждение (школу, колледж, университет), где «дают» знания и статус вместе с дипломом. А между тем, формальное образование – это всего лишь средство для обучения, которое представляет собой процесс движения из точки А в точку В, в точку С, и так далее, причем процесс сложный и нелинейный.

Языкам у нас до сих пор учат так, как учили латынь столетия назад: за счет запоминания грамматических структур и слов в надежде, что, подставляя правильные слова в нужной форме в нужное место, человек будет общаться на языке[19]. Да, иногда так и происходит — спустя несколько лет, но вот в институте у меня была «пятерка» по узбекскому, потому что я мог разбирать предложения по частям речи и анализировать, из каких суффиксов состоят те или иные формы слова, не особенно их понимая. Разумеется, так изучать узбекский совершенно бессмысленно.

Если мы вернемся к языковым компетенциям, то нетрудно понять, что для разных ситуаций необходим не только разный уровень владения языком, но и разные навыки. В институте я должен был делать грамматический анализ предложений и слов, а в школе на сборе хлопка – спрашивать у местных жителей дорогу и понимать их ответ.

Современные курсы узбекского языка должны опираться на исходный уровень учащихся, а для этого необходимы четкие диагностические тесты, его устанавливающие, с ясной целью обучения. Для чего вам нужен узбекский язык? Читать государственные указы? Произносить приветственные тосты? Читать Абдуллу Кадыри в оригинале? Общаться со строителями на площадке? С узбекскими родственниками из Кашкадарьи? Каждая из этих ситуаций требует разных навыков и подходов к обучению, что предполага-

[18] https://novainfo.ru/article/16641

[19] https://thewarwickeltezine.wordpress.com/2017/01/31/124/

ет наличие соответствующих материалов: современных коммуникативных учебников для каждого уровня (A1, A2, B1, B2 и так далее), аудио и видео материалов, разумеется, соответствующих стандартов и учебных планов, и самое важное - квалифицированных преподавателей.

Здесь снова возникает большая проблема, связанная с необходимостью стратегического планирования на долгие годы вперед и отказа от приверженности к сиюминутным приказам, которые никогда ничего не могут решить основательно. Чтобы иметь большое количество преподавателей, способных обучать взрослых русскоязычных учащихся современному узбекскому языку, нужно их готовить, нужно разрабатывать систему подготовки и трудоустройства, нужно стимулировать развитие частного предпринимательства в сфере образования, чтобы такие компактные и имеющие определенные цели курсы предлагались буквально на каждом углу. Все это требует разработки, принятия и последовательного выполнения внятной стратегии подготовки кадров и соответствующего их материального стимулирования. Кто, как и когда этим будет заниматься, учитывая упомянутую выше необходимость всестороннего исследования – непонятно, но без этого дело никуда не сдвинется.

Если подытожить все вышесказанное в рыночных терминах, то комплексная задача состоит в исследовании спроса на узбекский язык и разработке методов увеличения этого спроса параллельно с совершенствованием пакета предложений по обучению узбекскому языку для целевой аудитории. Но, повторюсь еще раз, без решения первой части проблемы заниматься второй не имеет большого смысла.

Не нужно большого ума, чтобы понять, что при текущем подходе к реформам никаких долгосрочных, постепенных и хорошо продуманных стратегий по развитию узбекского языка в стране в ближайшее время реализовано не будет. А вот предложений, подобных призывам читать стихи Зульфии на базарах – сколько угодно[20]. Так что нам только остается наблюдать за интереснейшими процессами языковой гибридизации, размывания языковых стандартов и правил, перетекания одних языковых форм в другие и возникновения на этом фоне новых социальных классов, объединенных в том числе и на уровне языка – англоязычной элиты или полностью узбекоязычных городских диаспор из областей, и т. д. Для социолингвистики это исключительно интересно, а вот для обычного жителя страны – не очень.

[20] https://centralasia.media/news:1556630